

Давно убеждена, что ничего не бывает случайного, в жизни есть закономерности, и наши желания осуществляются.

Вроде бы, случайно открыла в интернете одноклассников, и первым появился на моей странице он, Прохоров Сергей, о котором я сразу вспомнила, и подумала, что, наверняка, он стал писателем, открываю сайт проза – ру, и точно - есть!

Что узнаю на этом сайте: Сергей Прохоров основал и с января 2006 года издаёт межрегиональный литературно-художественный журнал «Истоки», благословлённый напутственным словом известного российского писателя Валентина Распутина. Живёт в сибирском таёжном посёлке Красноярского края Нижнем Ингаше – родине известного сибирского писателя Николая Устиновича и всемирно известного художника Андрея Поздеева. Он член Союза писателей России, член Международной федерации русскоязычных писателей. Там же узнаю о его произведениях, и где они опубликованы.

Первым я открыла его рассказ «Щука», который с интересом прочитала. Сомнения «он не он» начинают понемногу отступать. Затем читаю его морские этюды, там фотография морячка, думаю: «похож». Похож морячок на мальчика, с которым я училась в четвёртом классе в посёлке Тины, а по-другому именуемому Гора. Этот посёлок тянется одной улицей вдоль трассы Московского тракта и находится на возвышенном месте.

Сама я жила в другом посёлке под названием Лесобазы, в первый класс пошла там. Дело было так: первого сентября 1951 года все мои друзья-товарищи пошли в школу, учиться мне ещё не полагалось, так как было шесть лет. Кто-то из детей сказал «пошли с нами», и я отправилась, в чём была, в грязном платье, нечёсаная, босиком. Уселась за парту, сложив руки, зачарованно смотрю на учительницу Веру Семёновну, самую красивую и добрую. А та сразу же обратила на меня внимание, спросила, чья я и зачем пожаловала в школу. «Хочу учиться», - был мой ответ.

Вера Семёновна отправила меня за мамой, и чтобы я умылась и

причесалась заодно. Дома я объявила маме, что её вызывают в школу. Та, ничего не понимая, собралась и прибрала меня. Вера Семёновна приветливо нас встретила, узнав, что мне нет семи лет, сказала, что учиться мне ещё рано, но я твёрдо стояла на своём. Тогда мама, поговорив с учительницей, попросила разрешить мне походить в школу, просто так, пока не надоест.

Я стала ходить в школу, учительница обучением моим не занималась, надеясь, что это дело мне наскучит, и скоро я учёбу заброшу. Прошло полгода, Вера Семёновна была переведена в школу на Горе, а наше обучение продолжила Мария Фёдоровна, очень строгая учительница. Она сразу же вызвала меня читать, я взяла букварь и бойко, по памяти стала наговаривать текст. Где-то произошёл промах, и учительница с возмущением отметила, что, я оказывается, до сих пор читать не умею. Она ведь не знала, что я хожу в школу не по-настоящему.

Здесь мне пришлось поднапрячься, а упорства мне хватало, выучить алфавит и быстро освоить письмо. Иначе я была бы изгнана из школы. На помощь я привлекла брата Анатолия, которому, естественно, хотелось побегать с друзьями, а не заниматься букварём. Но такова судьба старших - им приходится возиться с младшими. Так я задержалась в школе, испытывая жажду знаний и страстное желание учиться.

Школа на Лесобазе была рядом с баракom, в котором жили ссыльные немцы и литовцы и наша семья. Когда подошёл четвёртый год моего обучения, школу закрыли, и нас перевели на Гору. Здесь я познала все тяготы жизни чужака. В четвёртый класс мы с Лесобазы ходили вдвоём с Михайловой Верой. Местные дети издевались над нами. Мы учились во вторую смену и, когда выходили вечером из школы, пацаны начинали нас мутузить; отбиваясь, мы мчались под гору кувырком.

Но в чём мне, несомненно, повезло - за партой я сидела с хорошим и спокойным мальчиком, которого звали Серёжа Прохоров. Он приходил в школу, закутанным в шаль матери, со мной общался мало, ему нужно было наверстывать пропущенные уроки, так как он часто болел. Вот как он изображает себя в рассказе «Холодной зимой

пятьдесят первого»: «...Зима в тот далёкий 1951-й год была очень холодной, где-то за 50 градусов с лишним, это я очень даже хорошо помню. И шаль материнскую помню, в которую она закутывала меня, чуть ли не всего, когда отправляла в школу. Я ведь был махотным – метр с ноготок, как тот Филиппок из моей любимой тогда детской книжки.

Перекинув через плечо сшитую из мешковины сумку с потрепанными уже старшими братьями учебниками и чернильницей-непроливашкой, я бодро и радостно распахивал дверь в звенящую изморозь занимающегося над селом рассвета».

Именно таким я запомнила Серёжу. Маленький, светленький, наголо остриженный мальчик с высоченным лбом. Когда он сидел рядом со мной за партой, я смотрела на его профиль, а он азартно решал задачи, решение которых охотно мне показывал.

На этой фотографии Сергей в седьмом классе, на ней он уже при волосах. Но он мало чем отличается от того мальчика, которого он описал в своем рассказе «Холодной зимой пятьдесят первого». Хотя взрослость уже заметна, после седьмого класса он отправился в Красноярск и начал самостоятельную жизнь.

Он нравился мне ещё и тем, что в отличие от местных ребят, он нас с Верой никогда не обижал. Ему свойственно редкое человеческое качество: доброта. Он совсем не был похож на сорванцов, с которыми дружил и обожал их.

А ещё он очень любил школу, в которой учился на Горе, он пишет о школе и местном клубе в рассказе «Холодной зимой пятьдесят первого» следующее:

«До школы было рукой подать. Находилась она посреди села в неказистом одноэтажном здании рядом с двухэтажным сельским Домом культуры. Кстати, об очаге культуры. Был он в какой-то мере достопримечательностью села. Не в смысле культуры, а в историческом смысле. До Октябрьской революции это был храм. Красивый был, говорят, с золотыми куполами. Всё в храме церковное порушили, а вот двери входа на сцену долгое время, как иконы, хранили память о бывшем храме. Лики святых высвечивались на них только в полной темноте. Как-то старшего брата моего,

уснувшего на скучном сеансе, замкнули, не заметив его впопыхах. Тот, проснувшись, протёр глаза и обомлел то ли от страха, то ли от удивления: святые сияли во весь зал ослепительным небесным светом.... Едва уловимый их контур можно было увидеть, и когда гас свет перед началом киносеанса. Но это если сильно, напряжённо вглядываться.

А на втором этаже была библиотека. И меня всегда тянуло сюда – в небольшое, уютное помещение, где за столиками можно было почитать книжку, полистать журналы и газеты, поболтать с друзьями. Этот уголок сельской культуры мне будет сниться потом всю жизнь. Ведь здесь я впервые повстречался с поэзией, зачитывался стихами немецкого поэта Генриха Гейне в переводе Михаила Лермонтова, француза Пьера Беранже, шотландца Роберта Бернса, венгра Шандора Петефи, русского поэта Спиридона Дрожжина.... Почему именно этих поэтов, а не других? Видимо, они первыми попались мне в той библиотеке на глаза. Сегодня я и не припомню уже тех стихов. Но это и неважно. Важно то, что свершилось тогда – моё открытие поэтического слова.

В коридоре школы и в классах уже топились галанки. Возле них жались, отогревали руки мальчишки и девочки, первыми прибывшие с окраин села. Вешалка была тут же, в классе, но раздеваться сегодня никто не торопился. После выходного дня школа ещё не прогрелась. По бокам вдоль стен и на учительском столе горели, дыша теплом, три десятилинейные лампы. По одной семилейной лампе мерцали и на каждой парте. Всего в классе было то ли десять, то ли двенадцать парт, за которыми сразу усаживалось два класса - первый и второй. В соседнем - третий и четвёртый. Село у нас, хоть и большое, да учеников кот наплакал. Война всё-таки была».

Прочитав рассказ «Холодной зимой пятьдесят первого», я написала отзыв такого содержания: «Какая замечательная вещь «Холодной зимой пятьдесят первого». Да, это та самая школа, где я училась в четвёртом классе, тогда тоже были морозы под пятьдесят. Я хорошо помню лики на дверях в клубе - храме. А то, что у вас была такая прекрасная библиотека, я не знала, если б знала, то ходила бы, (на Лесобазе была слабая библиотека). Читайте, перечитываю,

наслаждаюсь вашим слогом и умением всё так оптимистично и красочно преподнести! После этого рассказа увидела своё детство и свою жизнь совсем в другом ракурсе. Раньше я жалела себя ту, маленькую затюканую и незащитную, а после того, как увидела Гору и её обитателей твоими глазами, стала относиться к себе с большим уважением. Спасибо».

Рассказ «Холодной зимой пятьдесят первого» действительно произвёл на меня неизгладимое впечатление. На втором месте после него - «Дом Серёжкиного детства». Каждый, день, проходя в школу, на правой стороне дороги я видела дом, в котором жил мой одноклассник Серёжа, дом казался маленьким и неказистым. Сергей о переезде в этот дом пишет так:

“Повозка, поскрипывая давно не смазываемыми колёсами, медленно поднималась по крутой дороге в гору, на которой по обе стороны Московского тракта, размытого дождями и разбитого гусеничными тракторами и грузовиками, возвышалось, вцепившись крепко в землю, село в одну улицу с вязким названием Тины. Кобыла, подрагивая от напряжения крупом, тяжело отталкивалась копытами от песчано-глинистого покрытия дороги, волоча перегруженную телегу. На повозке, кроме домашнего скарба: стола, пары скамеек, старого комода, немудрёной кухонной утвари, котомок с одеждой и бельём - громоздился тщательно уложенный воз сена. А на самом верху воза восседал шестилетний мальчуган в длиннополой до колен холщёвой рубашке, прикрывавшей всю нижнюю голую часть тела. С лица мальчугана не сходила счастливая улыбка. Покачиваясь на вершине воза, он радостно и удивлённо смотрел вокруг, то и дело вертя головой во все стороны. Мальчугана звали Серёжа»

В этом доме Серёжа был поставлен на ноги после продолжительной болезни, отнявшей у него способность передвигаться, его вылечила с помощью бани и трав Груня, местная лекарка:

В бане было жарко как в пекле и душно. Серёжа лежал на горячем полке, обмазанный душистым тестом, облепленный свежими берёзовыми листьями. Баба Груня тихонечко хлопывала его сухим веничком по ногам, что-то про себя приговаривая. Серёжа пытался вслушаться в медовый бабкин голос, понять о чём это она, но вскоре

его совсем разморило и от жары и от непонятного бабыгрунинного наговора, и он словно провалился куда-то, в какую-то мягкую, сладкую бездну.

Почти двое суток как убитый спал Серёжа и лишь к концу второго дня проснулся и попросил пить. А ещё через пару дней, опираясь на деревянные табуретки, стал приподниматься. Увидев это, Катерина заплакала от радости и, перекрестившись на старую, бабушкину ещё икону, запричитала:

– Спасибо, Никола-угодничек, Мать Пресвятая Богородица!

Протянула руку за икону, достала оттуда свёрток. Быстро собрала в узелок крынку скопленной сметаны, три десятка яиц и заспешила с радостной весточкой и благодарностью к Груне Евдокимовой».

Свой рассказ «Холодной зимой пятьдесят первого» он заканчивает так: «После уроков, наспех перекусивши дома немудрёной еды - картошки с морковным чаем - я убежал, несмотря на мороз, сооружать с друзьями снежные блиндажи и окопы, играть в нашу войну».

На его рассказ «Дом Серёжкиного детства» я написала: «С каким оптимизмом Вам удаётся писать о тех голодных временах мальчика, не имевшего возможности передвигаться, лишённого общения со сверстниками по этой причине. А я вспоминаю этого мальчика, когда он после болезни приходил в школу, записывал все домашние задания, по урокам, которые пропустил и начинал азартно навёрстывать. Особенно хорошо он решал задачи, я смотрела в профиль на его огромный наморщенный лоб и не могла отвести любопытный взгляд, естественно, восхищаясь его способностями. Вот этот азарт и стремление к знаниям были главной силой, поднявшей Вас на ноги в высоком смысле. «Все тяготы мира на деле несут человеку великое благо,- но как бы узнал я об этом, когда бы на свете не пожил?» (Таясу Мунэтаки)».

Рассказам «Холодной зимой пятьдесят первого» и «Дом Серёжкиного детства» я уделяю первостепенное значение в силу того, что в них я увидела себя и своё детство, события и места, где они происходили, очень знакомы, близки мне, в них всё такое детское, родное и наивное, простое, как сама наша жизнь тех времен. Точно такое же отношение у меня к поэме Сергея «Дым отечества», её я

обожаю.

В прологе к поэме Сергей пишет:

Где меня бы ни спросили,
И хоть каждого спроси.
Уголочек есть в России -
Самый лучший на Руси,
Где прогорклый запах дыма
Слаще мёда по весне,
Где мы были молодыми
На родимой стороне.

Сергей издает журнал, который называется «Истоки».
Откуда они?

У ИСТОКОВ

Со скворечен лились трели
В сотни герц ля-камертон.
Я в семье родился третьим,
Третьим лишним в доме ртом.

То ли бабка-повитуха,
То ли сельский экс-мудрец
Моей матушке на ухо
Прошептали: «Не жилец».

А я выжил всем на диво
Сто хвороб переборов.
Было голодно и вшиво,
Но хранил родной порог.

Тот порог, через который
Мне уж не перешагнуть.
Время, время! Как ты скоро!
Как короток жизни путь!

Но сегодня я к истокам
Подхожу, как к алтарю,
И вверяю этим строкам
Всё, что вновь не повторю.

В своем отзыве на «Дым отечества» я написала:

«Вы действительно большой патриот своего отечества. Интересно читают ли тинские жители Ваши произведения. Конечно, читают, представляю, какой бальзам наполняет их сердца. Это ж надо об этом незаметном местечке так написать, что тем, кто там не был, наверное, захочется обязательно побывать. С трогательной любовью Вы пишете о каждом затаённом уголке вашей души. Хорошо, что в день смерти Сталина Вы не плакали, в это я бы не поверила, хотя кто знает... Да, уж точно каждый из нас, из октябрят и пионеров, помнит, как мы маршировали, и продолжаем до сих пор. Как нравится мне этот ваш незатейливый слог, простое повествование - я совсем не специалист, пишу, как могу, но от души. Вам суждено было выжить, чтобы наравне с матёрыми и знаменитыми мастерами так написать свой “Дым отечества, который действительно так сладок, так притягателен”.

Я отправила «Дым отечества» нашей классной руководительнице и она написала свой отзыв.

Любовь свою поэт выражает сердцем. О силе любви говорит так:
«Разувериться можно.

Разлюбить- никогда»

Все, о чём написано в поэме «Дым отечества», мне хорошо знакомо. В двух км. от села Тины я жила в лесном рабочем посёлке сорок семь лет. И быстрая речка Тинка с кустами черёмухи по берегам, и дым столбом над крышами домов в зимний мороз, и сугробы выше крыши, и царственный лес, окружающий посёлок, отчаянно красивый круглый год, и обильный урожай на грядках, в огородах, в лугах и лесу. Всё это и другие прелести величественной сибирской Природы, и необыкновенно открытые, добрые, приветливые, чуткие жители, которых искренне любит и воспеваает в своей поэме и во многих стихотворениях, навсегда сохранились в моей памяти и в сердце.

Этот кусочек земли я с нежностью называю моей второй малой Родиной. Сергей подарил мне два сборника своих стихов. Главное в его творчестве – любовь, любовь к Природе – богатой и чарующей, любовь к Маме, к Родному дому, к родной деревне. Любовь и боль, сострадание к бедно живущему Народу. Любовь к Руси-матушке, победительнице всех своих врагов.

Я советую почитателям поэзии читать стихи, поэмы, песни и романсы Сергея Прохорова»

Учительница географии,
классная руководительница
Раиса Федоровна Колбасицкая
2012 год.

Обратите внимание, так написал человек, приехавший в Сибирь из Ленинграда, проникшийся, как и Сергей, любовью и восхищением к тем местам, которые он описывает в своих стихах и прозе. У них есть что-то родственное в этом отношении, а может, ученики похожи на своих учителей?

С детских лет я с удовольствием наблюдаю и исследую всё живое на земле. Особый интерес для меня представляет человек. Я всё время задаю себе один и тот же вопрос: для чего приходит человек в этот мир, с какой миссией? Чтобы умереть? Тогда для чего его рождение? А если он и оставляет какой-то след на земле, то какой ему от этого прок? Ведь он этого никогда при жизни не увидит. Почему одни рождаются красивыми, богатыми и счастливыми и живут себе припеваючи, будучи при всём при этом недовольными своей жизнью. А другим достаётся слабое здоровье, нищета и захудалое жилище, но они воспевают это самым, что ни на есть искреннейшим образом.

Сергей Прохоров появился на свет в суровые военные годы, преодолев болезни и голод тех нелёгких времен, он развил в себе множество талантов. Им издано восемь книг, написано около ста песен, он играет на многих инструментах, обучившись этому по самоучителям, он хорошо рисует, он умеет делать всё, что необходимо выполнять по хозяйству сельскому жителю. На всех фотографиях он с лучезарной улыбкой на лице. Счастливый человек – мой одноклассник.

Тамара Климова

Канск